

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

2002

2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА **2002** ГОД

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2006

Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 г. / Отв. ред.
Т. С. Царькова. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 672 с., ил.
ISBN 5-86007-513-8

Редакционная коллегия:

Т. Г. Иванова, А. В. Лавров, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор: *Т. С. Царькова*

Рецензенты: *О. Л. Фетисенко, А. А. Шелаева*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 05-04-16002д)*

ISBN 5-86007-513-8

© Коллектив авторов, 2006
© ИРЛИ РАН
(Пушкинский Дом), 2006
© «Дмитрий Буланин», 2006

А. Д. РЕЗНИКОВ. РАННИЕ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Е. Р. Обатниной

Парижские годы жизни писателя А. М. Ремизова были скрашены дружеским общением и поддержкой семьи Черновых—Андреевых—Резниковых—Сосинских. Все они сохранили живые воспоминания о писателе. Наталья Викторовна и Даниил Георгиевич Резниковы в конце 1940-х—1950-е гг. преданно и подчас самоотверженно занимались изданием произведений писателя, его переводами и многими бытовыми проблемами. В общении с Ремизовым проходила и жизнь их детей. Младший сын Резниковых — Егор Данилович — профессор Парижского университета, философ и математик стал не только участником первой международной ремизовской конференции, прошедшей в стенах Пушкинского Дома в 1992 г., но и как специалист по древнерусской и средневековой европейской музыке написал статью мемуарного характера «Музыка и Ремизов».¹ Его старший брат Андрей Данилович Резников решился на воспоминания о писателе только несколько лет назад. Он отчетливо запомнил все детали той чудесной атмосферы, которую Ремизов умел создавать вокруг маленьких детей. Возможно именно реальность ремизовского образа, береженная памятью Андрея Даниловича, помогла ему в работе над зарисовками, обращенными в 1930—1940-е гг. Как и все представители семьи Черновых—Резниковых—Андреевых—Сосинских он был посвящен в члены знаменитого общества «Обезьянья Великая и Вольная Палата» и с юности носил звание «обезьяньего доктора».²

Воспоминания А. Д. Резникова публикуются по авторизованной машинописи, переданной им в фонд А. М. Ремизова РО Пушкинского Дома в начале лета 2004 г. С разрешения А. Д. Резникова в текст внесена незначительная правка. Публикатор выражает сердечную благодарность Розе Андреевой-Лемперт за подготовку компьютерного набора текста воспоминаний.

¹ См.: *Резников Е. Д.* Ремизов и музыка. Часть I. Воспоминания // *Алексей Ремизов. Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 259—266.

² См. обзьянью грамоту Е. Д. Резникова, выданную 1 апреля 1952 г. Опул: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданныс. Обзьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах.* СПб., 2001. (Раздел «Коллекция».)

1. Детские воспоминания, связанные с семьей Ремизовых.

Париж, 1933 год

В воспоминаниях моего далекого раннего детства, в полутумане, появляется пустая комната, в которой я с мамой у незнакомых людей. Они говорят по-русски.

Это и есть моя первая встреча с Ремизовыми. Ребенок я робкий, застенчивый. Меня пугает непривычная обстановка и незнакомые люди, но звук русской речи действует успокаивающе.

Тут выходит Алексей Михайлович. Маленького роста, согнутый, кудрявый и светловолосый, в больших круглых очках. Он встречается нас приветливым, доброжелательным, мягким голосом и нежно обращается ко мне, еще запуганному. На его широких губах теплая улыбка и добрый с хитринкой взгляд.

Поблизости — Серафима Павловна. Она большого роста, полная. Ее голос тоже доброжелательный, с низким, степенным тоном. Ее физическое присутствие заполняет комнату.

Мы знакомимся, и мне для развлечения хотят показать что-то интересное, какие-то игрушки, каких-то домашних жителей.

Вот А. М. вынимает из картонной коробки какой-то смятый комок, ментально превращающийся в его руках во что-то живое. Мне говорят: «Это Фейерменхен, человечек, познакомься с ним, дай ему ручку!». Комок оживает, раскладывается, и вдруг превращается в длинную мягкую тряпочную марионетку. Фейерменхен в сером платье с черными полосами, головка его маленькая с глазками как угольки — будто улыбаются. На головке острая черная шапочка.¹

Мной овладевает испуг. Действительно живой — двигается, подает ручку. Мне страшно. Я отступаю, прячась за маму. Теплый голос А. М. меня успокаивает, но подойти страшно.

А теперь мне показывают Кукушку. Это деревянные часы в виде избушки, со ставнями. Видны стрелки. Часы повешены высоко у потолка, над дверью. Маятник из сосновой шишки бьет регулярно, бойко к чему-то подготавливая. Вот, вот, смотри, не упусти! Выйдет кукушка!

И действительно, деревянные ставенки резко распахиваются, и выскакивает деревянная птичка. Бьет крыльями, двигает клювом и неистово, неугомонно кричит — заглушая все — «куку! куку! куку!»... много раз. Я опять очень испуган. Утешают, хотят объяснить. Ведь хорошая, своя!

Да что же это, такие обещанные игрушки? Это же не обыкновенные игрушки для детей. Это игрушки живые, страшноватые, заколдованные. Не злые и не хорошие. Они свои, прирученные. Принадлежат к Миру сему, к двум началам. А их хозяин — А. М. с его завораживающим мягким голосом и улыбкой. Он их знает.

2. Елка. 1935—36 год

Нас с Олей,² моей двоюродной сестрой, моей ровесницей, наши мамы — Наташа и Ольга³ — из пригорода Робинсона, где мы живем, иногда возят в Париж метро. Нам 4—5 лет. Это всегда большая радость и приключение. Вот после долгого пути и пересадок на станциях, мы заходим на квартиру Ремизовых на улице Буало (16-й округ Парижа). Нас пригласили на Елку.

Мы звоним в дверь. Слышно мелкое и долгое топтание шагов, и дверь открывается. Алексей Михайлович нас встречает своим милым, ласковым голосом, много раз целует в щеки и губы, очень «мокро», по-своему. Низкорослый, он сразу детям внушает доверие. Мы идем за ним по длинному, темному, скрипящему деревянным паркетом кулуару и попадаем в небольшую комнатку, сплошь заложённую книгами. Это «Кукушкина», что подтверждают висящие над дверью уже знакомые деревянные часы со ставенками, напоминая о себе энергичным механическим боем маятника.

Отодвинули письменный стол. За ним в углу притаился Фейерменхен, сидит, наблюдает...

Посередине, занимая почти всю комнату, стоит огромная высокая елка, уже традиционно наряженная и украшенная.

Каждый год на Рождество открываются заветные картонные коробки, в которых хранятся годами украшения для елки. Это множество золотых и серебряных (уже потускневших) гирлянд, всевозможных разноцветных больших и маленьких шаров. Часто с восковыми потеками свеч предыдущих годов. На всех сосновых ветках, занимая все пространство, висят разнообразные игрушки, вырезки, украшения, деревянные и глиняные раскрашенные зверушки, человечки. Тут же висят пряники и конфеты (давно уже несъедобные), а также позолоченные орехи и шишки, всякие хлопушки. Таинственные корешки, вырезанные из цветных бумажек звезды и фигурки.

Елка очень пышная, наряженная по старой русской традиции. Мы со страстью рассматриваем елку, ее разнообразные украшения — каждое из них на своем месте, в определенном порядке. Вот А. М. спичками зажигает по очереди красные восковые свечки, прицепленные к веткам, осторожно, чтобы не поджечь хвойные иглы. Серафима Павловна помогает А. М. — за всем следит, передает торжественность ритуала.

Вдруг завели маленький хоровод вокруг елки. Нас шестеро — Оля и я, наши мамы и Ремизовы. Подпеваем рождественские песенки: «В лесу родилась елочка...». В комнате сильный запах смолы, сосновых игл, воска и особенный запах мандаринов, разложенных на тарелках по углам комнаты. Жарко, все ожило, уютно и празднично. Потом подается на столике, накрытом праздничной скатертью, чай (А. М. пьет из блюдечка, а С. П. из чашки). Раздаются конфеты в цветных бумажках — леденцы, шоколадные, сухое печенье марки «Лю» и душистые мандарины. Угощение простое. Ремизовы живут бедно, как многие русские эмигранты.

Потом раздаются подарки: игрушки, выбранные на елке или завернутые в маленькие пакетики. Это могут быть цветные карандаши, резинка, свисток, фигурки, зверушки или колокольчик. Для наших мам какое-нибудь ожерелье из бусинок, брошка или зеркальце.

А. М. и С. П. (мы, дети, ее называем «Пими») заворачивают подарочки в пестрые бумажки, завязывают кусочками накопленных веревочек. А. М. специалист — подарки очень трогательные тем более, что очень скромные.

Пасха на рю Буало (1935—1936 гг.)

На Великий Праздник, Святую Пасху, очень многие приходят в гости или забегают к Ремизовым христосоваться, поздравлять, разговляться. Каждый приносит пасху, куличи, цветные яйца, цветы.

Наша семья собралась ехать. Нарядились, празднично одели детей и заказали такси, чтобы быть у Ремизовых в определенный час.

Вот нам открыли и ведут в комнату Серафимы Павловны, дышащую тишиной и покоем. В середине комнаты пасхальный стол, накрытый белой скатертью, украшен цветами и разными угощениями. Стены завешаны бархатными материями, ковриками, несколькими пожелтевшими фотографиями, старинной персидской кашемировой шалью бирюзового цвета, бусами. В углу золотая икона. А главное, над постелью, покрытой темным бархатным покрывалом, развешена коллекция русского бисера — кошельки, бусы, серьги... Старинная вышивка 18-го и 19-го веков, созданная крепостными девушками, которые традиционно по вечерам, под светом лампадок, вышивали, затягивая песню. Это сокровище. Заветное наследие семьи Довгелло, предков Серафимы Павловны, предназначается Олечке, когда она будет большой. Мы его рассматриваем. Эта тонкая работа больше интересует девочек и женщин. А я предпочитаю смотреть на висящее рядом удивительное длинное ожерелье, состоящее из маленьких фарфоровых ячеек, размером в оливку. Они разноцветные: белые, синие, красные, зеленые, с тончайшим рисунком, прицепленные одно к другому медными колечками. Их много десятков, составляющих два ряда. На каждом из них пасхальные буквы «Х. В.».

Каждое из них подарок. Вот это, говорит С. П., мне было подарено А. Блоком... С. П. нам показывает свои драгоценности, объясняя их происхождение. Она большая, полная, большого роста, чуть строгая. Очень религиозная. Детей она немного пугает. И даже взрослых.

Пасхальная атмосфера особенная. С. П. ведет праздник по традиции, справляется о том, соблюдают ли дети православные обряды, пост, знают ли молитвы, ходят ли в церковь. Вот тут С. П. может сразу проверить и неожиданно попросить сказать «Отче наш». А мы с Олей молитвы знаем плохо. До визита наши мамы спешно проверяют наши знания, подучивают, чтобы не попасться, если будут спрашивать.

Сегодня на Великий Праздник, на Пасху, наша семья собралась у Ремизовых христосоваться, поздравлять друг друга, обмениваться пасхальными яйцами, пасхой и куличами.

А иначе каждый заходит к Ремизовым по-своему: что-нибудь занести по поручению, книгу или съедобный продукт, выпить чай. Почитать или уже прямо на литературный вечер.

Ремизовы каждого члена нашей семьи любят по-своему. Наши с Олей мамы — Ольга и Наташа Черновы — близнецы, и третья, младшая сест-

ра — Ариадна, прозванная А. М. «Аукой».⁴ Их Ремизовы называют «ангелами» — они же «Чернушки». Они еще молодые, веселые, очень умные, образованные, романтичные. Они увлечены литературой, общаются с писателями и поэтами из русской эмиграции. Со многими из них они познакомились у Ремизовых. Ольга и Наташа художницы, но трудная эмигрантская материальная жизнь им не позволила заниматься живописью. Они работают рисовальщицами у Ланвена⁵ в Париже. Им за эту работу платят гроши.

Наша семья состоит из трех сестер Черновых, их детей Оли и Андруши (прозванного Алексеем Михайловичем «Федором Степанычем»). Нам по шесть лет.

Мужья трех сестер: Даниил (Резников), Вадим (Андреев) и Володя (Сосинский)⁶ — это три друга, которые женились на трех сестрах. Все молодые, им сегодня, до второй мировой войны, приблизительно 35 лет.

Старше всех мать девочек — Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина, прозванная (конечно же А. М.) «Лисевой». Ее все любят за беспечность, страстный характер и щедрость. О. Е. всегда хочет кому-то помочь, кого-то приютить, что-нибудь подарить, несмотря на свои материальные трудности.

Десятый член семьи Ласпик — собака-волк. Его не приводят в гости, но все о нем знают.

Когда мы прощаемся, А. М. к разным пакетикам прибавляет обязательное мешочек с хлебными корками для Ласпика. Мы, дети, часто эти корочки сами грызем по возвращении домой.

На квартире у Ремизовых (После войны)

Алексей Михайлович встречал гостей и друзей в своей маленькой квартире в буржуазном здании на улице Буало в 16-м округе Парижа. Поднявшись три этажа по деревянной светлой лестнице, посетитель звонил в дверь в глубине коридора. Надо было ждать мелкого продолжительного топтанья, которое шло крещендо по скрипящему паркетному кулуару. Вдруг дверь открывалась, и вас приглашал войти маленький горбатый человечек с взвихренными седыми волосами на висках, напоминающими чертиковые рожки. Голос мягкий, приветливый, отчетливый, звучный. Огромные выпуклые круглые очки, курносый носик. А. М. одет в вязаную шерстяную, повисшую от старости, куртку бежевого цвета, застегнутую коричневыми пуговицами. Черный поношенный галстук на голубом воротнике рубашки; брюки темные, широкие, скрученные, падают на теплые полосатые туфли. Взгляд доброжелательный, чуть хитроватый, живой. А. М. своих целует много раз в щеки и в губы, обычным «мокрым» и мягким поцелуем и ведет мелким шажком до своей письменной-спальной комнаты, в так называемую «Кукушкину комнату» — закуренную до невозможности.

Комната полна книг, журналов и рукописей до потолка. Эта библиотека была отделана полками из ящиков, уложенных один на другой. Эти ящики были добыты у лавочника и когда-то в них было марсельское мыло и пакеты стирального порошка. На них еще можно было прочесть написанные

крупными буквами названия этих известных всем продуктов. А. М. просто окрасил ящики багровой краской, разрисовал черными каемками с какими-то завитушками.

Посередине комнаты стоял длинный деревянный письменный стол, тоже окрашенный красной и черной краской. У стола — кресло писателя из деревянных перекладин, самой простой модели, с соломенным сиденьем, обложенным старыми, изношенными, покрытыми вязаными разноцветными шерстяными наволочками подушками.

Письменный стол был весь загружен массой всевозможных предметов в кажущемся беспорядке. На самом же деле каждая вещь лежала на своем определенном месте. Тут во всевозможных стаканах и бокалах разложен письменный материал. Разные перья и ручки, кисточки, цветные карандаши разных размеров. В коробочках стиральные резинки, кнопки, скрепки, зажимы, перья разных образцов. Чернильницы с разными чернилами. Очень употребляемая «тушь» для рисунков и каллиграфии. А перья очень важны — множество всяких ручек с разными перьями и множество авто-ручек, принесенных друзьями. Эти ручки, это главные инструменты А. М. Часто сломанные, разного происхождения, иногда без шапочек, но всегда с сохраненными мягкими золотыми перьями, которые позволяют провести как самые широкие, так и самые тонкие черточки для расписок, каллиграфии и рисунков. А. М. для своей работы прибегал к кисточкам и иногда к гусиным перьям, которые надо было иногда особенно точить.

Посередине стола, на зеленом подбумажнике, лежали листы бумаги начатых писем или только что прерванных рисунков. На боку две или три раскрытые книги с пометками между страницами.

Нельзя, конечно, не упомянуть курительный прибор. На углу стола пачка сигарет «Голуаз» с крепчайшим черным табаком.

Всякие сломанные или еще целые мундштуки в тарелочках, несколько пепельниц и коробки кухонных спичек. Из одной из пепельниц подымается дым еще не потухшей оставленной папиросы.

А. М. был неистовым курильщиком. Курил папиросу за папиросой, окуривая себя и всю комнату. Курилось по полпапиросы, которую присутствующий гость вставлял в мундштук, подавал А. М. и зажигал спичкой. А. М. затыгивался, покашливая. Над ним появлялось облако дыма.

А. М. был всегда добродушный, он усаживал гостя, очень внимательно его слушал, расспрашивал о различных, часто второстепенных происшествиях или мелочах. Он все помнил обо всех. Потом садился за стол в скрипящее, набитое подушками кресло, предлагал читать вслух какую-нибудь интересующую гостя книгу, вырезку из литературного журнала или фрагмент классиков (Гоголь, Лесков). Бывало просил что-нибудь ему читать и садился рисовать.

Над письменным столом и через всю «Кукушкину» висит веревка, увешанная разными, самыми неожиданными предметами, принесенными друзьями. Каждый со своей историей: скрученные корешки, сухие фрукты, сосновые шишки, шарики, зверюшки и человечки из разных материалов, два или три плавательных рыбных пузыря (пожелтевшие и пропитанные дымом от курения), длинная сухая змеиная шкура и т. д.

Детей А. М. часто занимал, давая им смотреть свою иллюстрированную энциклопедию в десяти томах (чей-то подарок).

Позже шли готовить чай. А. М., немного задыхаясь, своими мелкими шажками, крихтя и что-то бормоча, шел на кухню, маленькую и заброшенную. Он ставил на газовую плиту старомодный огромный алюминиевый чайник с длинным носом. Закипало, заваривали, чай пили на кухне или в «Кукушкиной» в разрозненных старых чашках. А. М. иногда пил по-русски из блюдечка. Закусывали тем, что каждый приносил. А. М. очень любил «соленое», особенно чайную колбасу, ветчину, которую он ел «лапами», селедку. Просил приносить колбасу из «ослиного мяса», если «найдется».

В это время кукушка часто оживлялась, что-то кликая, напоминая, что жизнь незаметно пролетала в этом сказочном тихом мире. Надо было прощаться. А. М. провожал гостей по длинному коридору. Целовал, и дверь закрывалась.

Фейерменхен присутствует при всех кукушкиных делах, ведает и охраняет.

Наша семья

Среди очень многих друзей, посещающих Ремизовых, члены моей семьи, называемые Черновыми, были особо любимыми.

Старшая, моя бабушка — Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова,⁷ жена лидера социалистов-революционеров Виктора Чернова.⁸ Из интеллигентской семьи, связанная с Народной Волей (партия популистов, борющаяся против притеснений царской власти), в ее убеждениях, однако, не было ничего догматичного. О. Е. была знакома с русскими модернистами: А. Блоком, М. Пришвиным, А. Ремизовым. Она особенно подружилась с Алексеем Михайловичем Ремизовым и его женой Серафимой Павловной Довгелло, принадлежащей к старинной украинской семье (ее знаменитый предок был гетманом в эпоху Мазепы). Скрываясь от большевиков, побывавшая в тюрьме и в ссылке, О. Е. после революции отыскивала Ремизовых в Париже, где они очутились после эмиграции. А. Ремизов ее называл «Лисевной». Она и ее три молодые дочери, прозванные «Чернушками», стали любимыми друзьями Ремизовых. Молодые женщины вышли замуж за троих русских поэтов, встретившихся и ставших друзьями в Константинополе, после разгрома «Белых». Это описано В. Андреевым в его повести «История одного путешествия». Позднее три друга встретились в Париже.

Ремизовы в эту эпоху жили в эту очень бедно, как большинство русских политических эмигрантов. Это не мешало, правда, скромно, но регулярно и сердечно принимать самых видных писателей русской эмиграции в Париже. Среди них были Михаил Осоргин, Борис Зайцев, Марина Цветаева.

Из дочерей О. Е. самая молодая, Ариадна (прозванная А. М. «Аукой»), была близким другом Марины Цветаевой. Она вышла замуж за В. Б. Сосинского, талантливого литератора, который впоследствии дрался на дуэли, защищая литературную честь Марины Цветаевой.⁹

Вторая дочь — Ольга, художник по призванию, стала женой В. Л. Андреева (старшего сына Леонида Андреева), писателя и поэта, автора книги

воспоминаний «Детство», автобиографического рассказа, имеющего успех в Париже в 30-е годы, а затем и в Москве, после хрущевской оттепели.¹⁰

Третья сестра — Наташа, моя мать. Она вышла замуж за Даниила Резникова в 1929 году. Так же, как и у Ольги, ее сестры-близнеца, у нее было образование художника, но, несмотря на свой талант, она никогда не смогла его реализовать, так как обе старшие «Чернушки» оказались обязанными зарабатывать на жизнь семьи как рисовальщицы моды.

Моя мама была также талантливым писателем, о чем свидетельствует ее книга «Огненная память», а также литературные переводы, которые она делала иногда с помощью своих сестер. Ее перевод произведения А. М. Ремизова «Подстриженными глазами» прославил автора в среде французской литературной элиты в Париже в 60-е годы. (М. Арлан, Ж. Полан, А. Мишо.)¹¹

Красивая, спортивная, моя мать была очень преданна мужу и своим двум сыновьям Андрею и Егору, а также племяннице Оле (Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл, писатель и художник), моей ровеснице и крестнице С. П. Ремизовой. С Олей у мамы была особая дружба, нежная привязанность и понимание.

Бескорыстная, добрая, великодушная, мама ко всем проявляла щедрость и гуманность. Она была внимательна к несчастным и обиженным, напоминая этим в чем-то свою мать, а мою бабушку, О. Е. Чернову.

Из всей семьи мама была самой верующей и религиозной. Она соблюдала обряд Русской Пасхи. Регулярно посещала Русскую православную церковь на улице Петель (15-й округ Парижа). После Великой пасхальной службы она по традиции накрывала большой праздничный стол, который готовила за много недель вперед. По воскресеньям за ней часто заезжал на такси художник А. Ланской,¹² чтобы ехать в русскую церковь в Кламар под Парижем на церковную службу. Тут она встречала философа Н. Бердяева.

После войны моя мать, Наташа, очень часто заезжала на ул. Буало к А. М., помогать ему и ухаживать за ним. А. М. был уже старым, жил один и не выходил на улицу. Он очень плохо видел. Наташа была его самым преданным другом. Расстояние из Кашана в пригородах Парижа, где она жила, до ул. Буало было большое, и поездка автобусами и метро — утомительная. А. М. нуждался в помощи и опеке. Каждый старался ему помочь по мере своих сил. Многие друзья и, конечно же, члены нашей семьи, когда находились в Париже. Мама была секретаршей А. М., его переводчицей, помогала ему в литературной работе, вела корреспонденцию, читала. Принимала с ним друзей и гостей — литераторов и писателей, интересующихся встречей с автором. Она также старалась по мере возможности помогать ему материально и в организации каждодневной жизни. Делала покупки, часто готовила ему еду, ведала порядком квартиры, иногда запущенной, и многими мелкими деталями его жизни.

В последние годы жизни здоровье и силы А. М. сильно пошатнулись. Наташа навещала А. М. все чаще, по нескольку раз в неделю, и все дольше у него оставалась по вечерам. Она много читала ему любимых классиков (Гоголя, Лермонтова, Лескова, Достоевского). В эти годы А. М. был почти слепой. До его смерти, 26 ноября 1957 г., моя мать посвятила А. М. много энергии, любви и преданности.

Несмотря на материальные затруднения, мама соблюдала семейные традиции гостеприимства. В течение всех лет, вплоть до своей смерти в 1992 г., в ее доме, в Кашане, она принимала свою семью и друзей.

По завещанию А. М. Ремизова Наталья Викторовна Резникова стала хранительницей части его архива. Этот архив, неделимый, находится в семье Резниковых под совместной ответственностью Андрея Даниловича и Егора Даниловича Резниковых.

Мать принимала многих друзей и литераторов, интересующихся творчеством А. М. Ремизова, предоставляя им все условия для работы с архивом. Среди посетителей, работающих в ее доме, было много ремизовцев, из которых мне вспоминается несколько фамилий: Дики Пайман, Ричард Девис, А. М. Грачева, Антонелла д'Амелия.

Андрей Д. Резников

Париж, август 2002 г.

¹Тряпичная кукла — огненный человечек Фейерменхен находится на хранении Резниковых. См. упоминание о нем в книге Н. В. Резниковой «Огненная Память. Воспоминания о Алексее Ремизове» (Berkeley, 1980. С. 64), а также фотографию Ремизова с Фейерменхеном 1921—1923 гг. в изд.: *Ремизов А.* Учитель музыки. Каторжная идиллия / Вступ. статья и коммент. А. д'Амелия. Paris, 1983; Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994 (вкл.ейка).

²*Андреева Ольга Вадимовна* (в замуж. Карлайл; р. 1930) — писательница, художница; дочь В. Л. Андреева.

³Дочери-близнецы О. Е. Черновой-Колбасиной, удочеренны В. М. Черновым — *Наталья Викторовна* (Митрофановна; в замуж. Резникова; 1903—1992) — поэт; литератор, переводчик, автор книги «Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове»; *Ольга Викторовна* (Митрофановна; в замуж. Андреева; 1903—1979) — журналистка, автор книги «Холодная весна», впервые опубликованной по-английски с предисловием Артура Миллера (Michigan: Ardis; Ann Arbor, 1978); см. также публикацию отдельных глав этой книги в журнале «Звезда» (2001. № 8. С. 124—155).

⁴*Чернова Ариадна Викторовна* (в замуж. Сосинская; 1908—1974) — дочь О. Е. Черновой-Колбасиной и В. М. Чернова; жена В. Б. Сосинского.

⁵*Ланвен Жанна* (Lanvin; 1867—1946) — кутюрье, основательница известного парижского дома модслей.

⁶*Андреев Вадим Леонидович* (1902—1976) — прозаик, поэт, литературный критик, мемуарист; сын В. Л. Андреева; *Резников Даниил Георгиевич* (1904—1970) — поэт, типограф; *Сосинский Владимир Брониславович* (наст. имя Бронислав-Владимир-Рейнгольд Сосинский-Ссмихат; псевд. Олег Авдеев, Вл. Ссмихат, Вл. Сенников и др.; 1900—1987) — писатель, критик.

⁷*Чернова-Колбасина Ольга Елисеевна* (1886—1964) — литератор. См.: *Колбасина-Чернова О. Е.* <Воспоминания об Алексее Ремизове> // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Petroburgo; Salerno, 2003. С. 314—322 (Europa Orientalis. Vol. 4).

⁸*Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — политический деятель, член ЦК партии эсеров, министр земледелия во Временном правительстве, Председатель Учредительного собрания; автор книг воспоминаний: «Записки социалиста-революционера» (Берлин, 1922); «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953).

⁹Речь идет о скандале, связанном с публикациями статей Вл. Злобина и Вс. Фохта в первом номере парижского журнала «Новый дом» за 1926 г., в которых был допущен издевательский тон в отношении Марины Цветаевой. Владимир Сосинский и Вадим Андреев на очередном заседании Общества молодых писателей и поэтов попытались выразить протест в адрес редакции журнала, в состав которой входили Нина Берберова, Довид Кнут, Юрий Трапиано, Всеслод Фохт. В своей речи, опубликованной в газете «Дни», Сосинский заявил: «Мы клеймим редакцию этого журнала, считаем позором ее поведение... Пусть эти слова редакция „Но-

вого дома” примет, как публичную пощечину...» (В. Н. Среди молодых поэтов // Дни. 1926. № 1. С. 36.). Подробнее см.: *Сосинский В.* История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль // Русская мысль. 1990. 29 нояб. С. 4; *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветасвой. М., 1992. С. 357. В своих воспоминаниях о Цветаевой Сосинский в связи с этим инцидентом написал: «Так я думаю сегодня, так думал и в 26 лет, когда дал публичную пощечину редакции „Нового дома” и вызвал на дуэль одного из редакторов журнала, осмелившегося недобросовестной подборкой цитат из „Поэмы Горы” изобразить Цветаеву женщиной легкого поведения, а „Версты”, в которых была опубликована эта поэма, назвать публичным домом!» (*Сосинский В.* Она была ни на кого не похожа // Воспоминания о Марине Цветасвой / Сост. Л. А. Мнухин, Л. М. Турчинский. М., 1992. С. 357).

¹⁰ См.: *Андреев В.* История одного путешествия: Повести. М., 1974.

¹¹ Речь идет о переводе Н. В. Резниковой романа Ремизова «Подстриженными глазами» (*Remizov Alexei. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff, Préface de Marcel Arland.* Paris, 1958. Collection «Du monde entier»), который вышел отдельной книгой с предисловием Марселя Арлана в созданном при журнале «Нувель Ревю Франсэз» («La Nouvelle Revue Française», «N.R.F.») издательстве «Галлимар». О переговорах Ремизова и Резниковой с главными редакторами журнала «N.R.F.» Марселем Арланом и Жаном Поланом см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. С. 118—123. Анри Мишо вместе с Ж. Поланом возглавлял редакцию журнала «Мезюр» («Mesures»), где в 1936—1937 гг. публиковались французские переводы произведений Ремизова.

¹² По-видимому, подразумевается граф *Андрей Михайлович Ланской* (1902—1976) — художник, участник Белого движения, который жил в Париже с 1921 г., состоял членом секции художников при Союзе деятелей русского искусства во Франции (1933).